

КУЛЁМА

Рассказ

1

Ольга Павловна Волохова родилась в Московской области. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала в периодических изданиях в качестве корреспондента, редактора, главного редактора. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Подъём» и «Сура». Автор сборника рассказов и повестей «Далекие звезды», автор-составитель и редактор более десяти книг. Лауреат премий «Лучшие перья России», «Писатель года», «За профессиональное мастерство» (Союз журналистов России). Член Союза писателей России. Живет в Балашихе Московской области.

Саня Разбегаева, солидная тетка шестидесяти шести лет, была баба нетерпимая и заносчивая. И очень она любила, когда величали ее по имени и отчеству, не иначе как Александра Матвеевна. Но ее немногочисленные сверстники, как и она, подзадержавшиеся на селе, называть ее по имени-отчеству не спешили, и прежде всего из-за одежды. А одевалась Саня даже по деревенским меркам не сильно презентабельно: ходила постоянно в цветастом, натянутом на исподнюю рубаху, байковом халате и широких, восточного вида шальварах в рубчик, выдутых на коленках. На ноги, в зависимости от сезона, обувала ношенные, выдавшие виды войлочные боты или заляпанные навозом и землей калоши с яркочерной подкладкой, которая при ходьбе вылезала наружу и торчала как попа у обезьяны-гамадрилы.

В таком виде Саня ходила по двору, обрабатывала огород и, не стесняясь, бежала при необходимости в местный сельмаг, расположенный в самом центре их небольшого приволжского сельца, по весне обильно омываемого водами некогда могучей реки. В особо ветреную или холодную погоду Санин наряд дополнялся

Кулёма — неловкий, неуклюжий, нерасторопный либо неумелый человек, в простонародье так называют чаще всего женщину, которая неряшлива в одежде и в бытовых вопросах.

постанятой вязаной кофтой цвета свежлы бордо или еще покойного мужа пиджаком с огромными карманами, в тайниках которых в прежние времена он прятал от нее же заначку, а теперь она сама использовала их в качестве потайного кошелька.

— Мам, ты хоть бы на люди поприличней одевалась, — в который раз попрекала Саню ее дочка Татьяна, приехавшая на лето погостить. — А то срамно смотреть.

— А мне замуж не ходить, отходила уже, — быстро нашлась что ответить острая на язык Саня. — Это вам, городским, нужно поприличней, а нам, деревенским, и так сойдет.

— У тебя, мам, такой наряд, что мне даже перед соседями неудобно, — не унилась Татьяна. — Глянешь на тебя — прямо кулёма кулёмой!

— Слово-то какое для родной матери поберегла — кулёма, — не на шутку обившись, попеняла родной кровиночке Саня. — Где и чего набралась?..

А потом, словно в оправдание себе, добавила:

— А ты не смотри на то, в чем хожу, лучше посмотри, какой я себе дом обустроила. И сама еще поживу, и тебе отойдет!

— Нужен мне твой дом! — хмыкнула Татьяна. — Я теперь при муже и при квартире! И не где-нибудь, а в самой Москве.

То, что Татьяна, недолго промаявшись в девках, вышла замуж в самой Москве, с точки зрения Сани Разбегаевой, было событием положительным, а вот то событие, за кого именно дочка вышла замуж, положительным не являлось.

Было известно, что Санин зять встретил ее дочку Татьяну в подъезде собственного дома, когда та в начале голодных девяностых наезжала за колбасой в Москву и останавливалась на ночлег у одинокой свояченицы Петровны. Он сразу заприметил яркость Татьянинных глаз и выдающуюся пышность ее груди, которую даже в девичестве трудно было спрятать под объемистым бюстгалтером пятого размера.

Когда дело двигалось к свадьбе, Татьяна побежала к матери за советом.

— Мам, уж больно он не того... Кости да кожа...

Будущий зять Сане тоже особо не нравился. Сразу было видно, что его нескладная сутулая фигура никогда не производила впечатления на девиц. Подобных неказистых мужичков они обычно оставляют на потом, если ничего не сладится с более солидными и породистыми особями. Но дочери Саня предпочла ответить более чем дипломатично:

— Зато москвичкой теперь будешь и докторскую колбасу со сгущенкой в ближайшем магазине покупать. А поживете с полгодика, глядишь — и мясо нарастет на нем!

— Отчего оно нарастет, мам? — не понимала Татьяна.

— Оттого и нарастет, что поживете, — уклончиво ответила Саня.

— А где нарастет?

— Во всех местах нарастет! Не переживай! — делилась жизненным опытом Саня. — А чтобы хорошо нарастало, мужика надо кормить так, чтобы он, только поев, сразу бежал в туалет... И место для новой еды освобождал...

Вспомнила Татьяна свой сельский магазин начала девяностых, где из всего богатства имелась лишь перловая крупа, килька в томате да макаронные изделия странного серого цвета, сравнила все это со столичными прилавками и дала окончательное согласие на заключение брака, но потом снова засомневалась:

— Но ведь не люблю я его, мам...

— Люблю, не люблю. Ты уже полюбила свое. И где теперь твоя любовь? В каких жарких краях? — без всякого стеснения напомнила ей Саня.

Тут они обе, не желая того, вспомнили технолога Яшу и невольно вздохнули.

Дочка Татьяна — первенец Сани — еще в непредсказуемые девяностые устро-

илась на молокозавод в соседнем городке, прописалась в общежитии и навещала родителей все больше по выходным. А потом вдруг запропала, оставив тех без всяких вестей.

— А она здесь больше не живет, — оповестила Саню комендантша из общежития, куда та в поисках дочери наведальась с двумя сумками домашней снеди напелес.

Проведя разведку боем и реально оценив ситуацию, Саня выволокла Татьяну чуть ли не за волосы из сметанного цеха, где та трудилась, и тут же хорошо наподдала.

— Я тебя упреждала, что не надо шляться?

— Упреждала, — только и нашлась, что промямлить в ответ еле живая Татьяна.

— Я тебе говорила, что откажу от дома, если что?

— Говорила...

— А ты?

— А что я? У нас с Яшей любовь... — оправдывалась непутевая дочь, размазывая слезы и сопли по лицу.

От дома дочери Саня, конечно, не отказала (характером та слабая была), а вот охальнику Яше в сердцах планировала тоже наподдать, да постеснялась — начальство все-таки, мало ли что...

А потом по молокозаводу разнесся слух, что их главный технолог Яков Михайлович собрался на историческую родину. Татьяна с ним тоже, было, наладилась, и все переживала, что там, в стране Яшиных предков, круглый год — жара. Но потом Яша вдруг объявил, что с собой ее не возьмет.

— Яша сказал, что им, немногочисленным народам, чтобы не затеряться, очень нужна идентификация, — сквозь слезы сообщила Сане вернувшаяся с очередного свидания дочь.

— Это какая такая идентификация? — подивилась Саня враждебному и незнакомому слову.

— Это значит, что берет он с собой носатую Райку из библиотеки, потому что у них должны рождаться чистокровные, от правильной матери дети, и национальность у них передается по линии жен.

Когда Яша отбывал на постоянное место жительства в дальнюю страну, Татьяна не находила себе места.

— Да он меня только трогал, больше ничего, — неизвестно по какой причине оправдывалась она перед матерью.

— Да, уж, заметно натрогал... Натрогать натрогал, а с собой не позвал...

Встретила потом Саня того Яшу перед самым его отъездом, и от всей души пропесочила по той самой матери, по которой идет у них национальность, пропесочила, чтобы родной язык не забывал...

Теперешний зять у Сани был худой, носатый и сутулый, как вопросительный знак. Более всего Саню смущало наличие этого вопросительного знака, и в дальнейшем она ожидала с его стороны много лишних вопросов. Но никаких лишних вопросов зять не задавал, и это ее смущало еще больше. С ее точки зрения это незадавание уже само по себе было враждебно — ей начинало казаться, что свои вопросы зять приберет на потом, чтобы задать сразу и все. И именно это злило больше всего.

— Про Яшу спрашивал чего? — поинтересовалась у дочери Саня в самом начале ее медового месяца, недвусмысленно намекнув про прежние, очень уж тесные взаимоотношения, из-за которых некоторые молодые мужья учиняют своей наоборотной допросы с пристрастием.

— Нет, ничего не спрашивал, — стесняясь и краснея, ответила Татьяна.

— Ну, видно, еще не допер, — покачала головой Саня. — А, может, и того хуже: обиду затаил и уже после обо всем разом спросит.

А какие, собственно, зять мог задать вопросы и о чем спросить? Ну, был у ее дочки Татьяны Яша, технолог с молокозавода, где она еще до встречи с теперешним зятем начинала свой трудовой путь. Ну, урывали они с Яшей минутку перед сменой, чтобы мешки с крахмалом придавить. А потом этим же крахмалом сметану разбавляли... Ну и что? Нынешнюю молодежь разве этим удивишь?

Но даже Саня не могла не признать, что в теперешнем дочкиному замужестве были и положительные моменты — отдельная квартира, доставшаяся зятю от вовремя почивших родителей, куда новоявленная теща стала безо всякого стеснения частенько наезжать — то за столичными деликатесами, то проведать друг за дружкой народившихся внучат, то еще по какой нужде. Но самая главная причина ее частых наездов в столицу была введена только ей одной.

«Вот однажды вскинется моя мать, вспомнит обо мне и захочет отыскать... А я уже туточки, близехонько, у своей дочки — ее внучки — гостюю, — втайне думала Саня. — Только руку протяни, и я прибегу...»

Но Санина мать почему-то не вскидывалась и не вспоминала, видно, и без того было у нее все нормально. И главное слуховое оконце — свояченица Петровна, жившая по-прежнему рядом, — ничего нового про мать не сообщала...

2

Родилась и всю сознательную жизнь прожила Саня, по мужу Разбегаева, в небольшом рыбацком селце со странным названием Верхнее Зачатье, которое каждую весну обильно омывалось желтеющими водами некогда могучей реки. Какой выдумщик дал такое чудное название селу, теперь и не вспомнит никто, но в далекие шестидесятые зачатья в нем случались довольно часто, так как молодежь в сельской местности тогда еще не перевелась.

Но надо признать, что то зачатье, которое вывело на белый свет саму Саню, было не слишком благословенным. Во-первых, его никто не благословлял — ни батюшка в церкви, ни госорганы, которые еще в конце двадцатых вероломно присвоили себе право благословления, отчего неизвестный Санин папаша, предвидя ее скорое появление на свет, куда-то скоренько утек. Утек он по обильным водам некогда могучей реки или еще как — осталось за кадром, но ее свежеиспеченная мать по имени Анна, оставив годовалую дочь у сестры-вековухи, тоже утекла вслед за ним в далекую Москву. Так что по своему социальному статусу еще в далеком детстве Саня стала считаться подкидышем, так как обещавшаяся вскорости вернуться и регулярно слать деньги мать не только не вернулась, но и деньги не слала.

Сама Саня вспоминала свою непутевую мать достаточно часто. Да и, по правде говоря, это для других она была непутевая, а для нее — просто мать. Являлась она в ее жизнь как-то нежданно-негаданно, но чаще всего в мечтах. Хотя... Хорошо помнила Саня, как еще в далеком детстве мать неожиданно заявила в их селцо со своим новым мужем и привезла пятилетней дочке плюшевого медведя. Медведь был так себе, очень уж патлатый, отчего пуговички его глаз затерялись где-то в густой шерсти, нависающей на лоб непрочесываемым чубом. Зато сама мать была в тот приезд очень уж хороша: в бархатной шубке, шляпке и фасонистых перчатках. А ее маленькая ручка, залихватски закинутаая на руку новому мужу, сгибалась почти что калачом...

Саня предпринимала и самостоятельные попытки встретиться с матерью. Она хорошо помнила себя маленькой, лет семи, когда по деревне разнесся слух, что ее мать Анна заехала в гости к дальней родне. Саню на встречу не приглашали, но она решила поучаствовать в ней сама: надела новое платье, туфли с бантами и

отправилась к тому двору, где гостевала мать. Войти в калитку она постеснялась, поэтому не придумала ничего лучшего, как перелезть через забор со стороны огорода. Но здесь случилось несчастье: слишком пышное праздничное платье зацепилось за забор, и Саня повисла на нем, беспомощно болтая руками и ногами.

Выбраться из западни удалось с помощью случайных прохожих, но при этом огромный кус праздничного платья отделился от наряда и остался висеть на заборе в виде яркого, неуместного здесь флага неизвестно какого государства. Оглядев свою одежду, Саня сильно огорчилась и решила не попадаться матери на глаза в таком жалком и несурзном виде.

Приезжала мать и позже, в середине 70-х, говорят, просить у богатых родственников взаймы на кооператив. Но денег ей не дали — не доверяли, и она вскоре ускакала, обиженная, восвояси. А к дочке, уже подростку, в тот краткосрочный приезд только на минутку и подошла. «Здравствуй», — сказала да еще потрепала по щеке.

Если про бросившую ее мать Саня говорила только хорошее, то про воспитавшую ее тетку — только плохое. Во-первых, по ее мнению, была та сильно скаредная и даже не собрала Сане, когда та выходила замуж, достойного приданого. А во-вторых, намереваясь как-то устроить личную жизнь, тетка водила в дом мужиков, не спросив на то ее, Саниного, согласия.

Тетку Лизу, которая ее воспитала, она не любила еще и потому, что само наличие тетки наглядно подчеркивало, что она, Саня, подкидыш и сирота. Когда была маленькой, Саня думала, что если бы не тетка, никто бы и не догадался, кто она есть. А еще она, маленькая, мечтала о том, чтобы тетка однажды превратилась в невидимку и чтобы она вроде бы как была рядом, особенно когда в том нуждалась сама Саня (к примеру, собрать поесть или обнову какую прикупить), а потом куда-нибудь исчезала и не мозолила глаза.

Даже на первое сентября, когда только поступала школу, Саня исхитрилась от нелюбимой тетки улизнуть, не забыв при этом прихватить ею же купленный букет, причем, как оказалось, самый красивый в классе.

Когда стала постарше, Саня наладилась придумывать про тетку разные небывлицы и даже рассказывала их другим. Рассказывала, будто бы тетка Лиза намеренно украла ее у родной матери, украла и унесла в темный лес, чтобы потом перепродать злым цыганам. А ее мать Анна, когда не обнаружила ребенка, залилась горючими слезами и с горя подалась в саму Москву, чтобы ее, Саню, там искать. И ищет до сих пор.

Подрастая и начиная кое-что понимать в межполовых отношениях, Саня придумала историю о том, что на самом деле она — не Анны дочь, а дочь самой тетки Лизы, а та, чтобы грех свой прикрыть, свалила все на сестру. Той ведь теперь все равно — она живет далеко.

Иногда Саня и сама верила, что не Анна, а именно Лиза — ее настоящая мать, особенно когда в зимнюю стужу забиралась к ней в теплую постель и, угревшись под стеганым, состороченным Лизой же одеялом, засыпала блаженным сном. И уже в предутренних сумерках, едва очнувшись и еще не узнавая явь, чувствовала, как тетка, спешащая на утреннюю дойку, заботливо подтыкает сползавшее с нее одеяло и ласково целует ее в лоб.

Более всего Саня не любила, когда тетка Лиза, чтобы приодеть подрастающую племянницу, принимала дары от соседей и настаивала на том, чтобы та здесь же, в присутствии дарителей, натягивала обноски на себя. Надо признать, что обносочки были вполне приличные, в хорошей сохранности, но Саня все равно напяливала их с большой неохотой, уже заранее предвидя, как за ее спиной будут хихикать прежние хозяева утилизируемого добра. И именно поэтому еще в ходе первой примерки всячески старалась подчеркнуть его ненужность или некачественность.

Если среди приданного было платье, то Саня умудрялась при надевании дернуть его так, что у него сразу отрывалась оборка или подол, а если туфли, то от них сразу же в разные стороны летели застежки, пряжки и даже подошва. Если подол оторвать по каким-то причинам не удавалось, то приданному платью угтавливалась другая участь: его можно было быстренько заляпать смородиновым вареньем, потом скоренько, для виду, замять, а под конец представления вывести для просушки на печную заслонку, чтобы уже через десять минут та же тетка, принявшая и одобрявшая соседские дары, на весь дом начинала вопить: «Ой, горим! Спасите! Пожар!»

— Вот приедет мамка в новой шубе и заберет меня в Москву, — рыдала, стоя в углу, наказанная теткой Саня.

— Как же, разбежалась твоя мамка тебя забирать! Она себе уже новых нарожала! — ворчала в ответ рассерженная тетка.

Обидные слова тетки про новых, которых нарожала ее мать, Саня запомнила навсегда и, даже подрастая, она никак не могла понять, как можно было нарожать новых, не отыскав и не отогрев своих старых. Этот факт никак не поддавался объяснению в ее еще юных мозгах.

3

В последний раз мать приезжала в деревню, когда Саня уже вышла замуж. Непутевая родительница почти неделю гостила у дальней родни, и Саня загодя готовилась к встрече. Но опять случилось непредвиденное: накануне муж Федя крепко выпил и навешал ей тумачков. И, конечно же, Саня решила, что встречаться с матерью с фингалом под глазом все же нельзя.

За что Федя побил ее в тот раз, наутро он не вспомнил и сам. Побивал он ее и раньше, сначала это случалось редко, но потом все чаще и чаще. Бить жену в их селе было практикой обычной, никто из сельчан этому не изумлялся и по данному поводу не переживал.

«Может, мать оттого и сбежала в город, бросив на сестру годовалую меня, чтобы, проснувшись поутру и умыв лицо, в зеркало на себя смотреть без боязни?» — подумала тогда Саня.

Теперь же Саня уже пятый год как вдовела, и это не удивляло: в канун пятидесяти-шестидесяти лет мужики обычно уходят в никуда... Такой, видно, у них рубеж.

А раньше, когда ее муж Федя выпивал лишнего, он, конечно же, срывался, говорил, что вдруг тесно ему становилось, воздуху было мало. Тогда и ей, Сане, от него доставалось, но в целом жили они хорошо, и зарабатывать он тоже неплохо.

По молодости Саня тяготела к мужикам мясистым и убористым, потому и Федю приглядела себе в мужья. Когда Федя на ней остановился, то поначалу причину не понял и сам. Сначала думал, что ненадолго — сколько их прошло до нее. Но была в ту пору в Сане та девчачья хитрость, которая без обид позволяла ей ускальзывать от принятия опрометчивых решений: мол, вся я твоя, и все во мне твое, но погоди чуток, и все будет тебе в лучшем виде. Это и тянуло Федю, это и притягивало...

А как хитро умела она все обсказать, как подвести к главному, как навести на мысль, что, мол, не ей, а ему будет от этого воздержания лучше, и необходимо еще немного погодить, а потом, уже не таясь, устроить плотское торжество. И Бог был здесь приплетен, когда в нем нуждались, и злая тетка, которая после гулянки велит являться не позже одиннадцати, и всякие девичьи неурядицы, случающиеся каждый месяц, и девки, которые прежде перед ним не устояли и могут их сглазить или навредить. Короче, был таким образом Федя подведен к неминуемо-

му решению, что надо ему идти под венец, вернее, к торжественной брачной росписи по всем советским законам.

Ну и наигрались они после того, и так, и сяк без стеснения играли, и наперегонки играли — кто кого, потому как не было им теперь других препятствий, кроме тех, которые они сами себе определили.

Первое, чего не хотела тогда Саня, так это сразу, в первый год супружеской жизни сразу же рожать, будто крольчиха, хотелось подольше побыть в том состоянии, когда свергнуты все ограничители плотской канители и не появился главный, воспрепятствующий всему ограничитель — огромный живот.

Но это было потом. А по молодости не отказывалась Саня затевать с Феей разные игрища, постороннему глазу невидимые и недоступные. Например, после самого важного и уже произошедшего по долгу супружеского согласия, приобняв разморенного супруга, любила она погадать на его главной мужеской составляющей и выяснить, куда она теперь, почти бессильная, упадет — налево или направо.

— Если налево, то тебе сегодня идти в колодец за водой, — заливаясь смехом, прыскала Саня. — А если направо, то я за водой пойду.

С Феей нажила Саня двоих детей. Сын еще в девяностые подался куда-то на севера, отзывался редко, ограничиваясь поздравлениями к праздничным дням, а дочка Татьяна была, считай, под рукой — сначала после училища трудилась на молокозаводе в соседнем городке, а теперь проживала в самой Москве.

4

О том, что родная мать вообще не явилась на ее собственную, а потом и на дочерину свадьбу, Саня тихонько молчала, будто так и надо. Рассказывала потом, что будто бы мать в аккурат накануне свадьбы занемогла, но прислала по почте хороший подарок. А когда местная почтальонша Фрося открыла общественности глаза, что подарка на почте никто не видал, Саня оправдалась тем, что был он послан через почту городскую, так как сельским почтаркам ее мать такую драгоценность не доверяет.

Сельские промолчали, хотя все знали, что Саня всегда старалась придумать непутевой матери любое оправдание.

— Мать у меня — красивая была, — любила она повторять к месту и не к месту. — А красивым женщинам можно и не по одному мужику иметь.

К тому же, по слухам, ее легкомысленная родительница в городе устроилась хорошо и наконец-то нашла себе путного мужа, а это служило ей, по мнению Сани, дополнительным оправданием.

До Сани часто доходили обрывочные сведения про мать. Будто бы с тем мужем, с которым она приезжала в село, она не ужилась, потом был еще один, потом — другой, а еще были дети... А вот они, по мнению Сани, ревновавшей их к их общей родительнице, в отличие от нее, должны были быть плохими, по крайней мере, не очень хорошими, потому что в житейской кутерьме, устроенной им всем слишком увлекающейся благодетельницей, они должны были потеряться или испортиться, как продукты, которые забыли уложить в холодильник. А еще, по ее мнению, произрастая хоть под плохоньким материнским крылом, в отличие от нее, Сани, они не имели возможности усвоить главный жизненный урок — как в этом мире надо выживать.

Саня почти без укора принимала и тот факт, что у матери все же были причины ее не любить. Во-первых, на своем лице она постоянно угадывала не материны, а чужие черты — нос уточкой и выдвинутый вперед подбородок... Это были черты обидевшего ее мать человека, и видеть ей их, конечно же, было нелегко. Во-вто-

рых, Санина мать Анна была мало охоча до деревенских работ, и загонять себя в кабалу, как поступают женщины ради детей, она возможным не сочла. И убежала от тех, кто ее осуждал. А в-третьих, что было бесспорным, Санина мать больше всего на свете любила саму себя. А в таком случае, на двоих — ее саму и Саню — любви могло и не хватить...

Про себя Саня любила говорить, что она — женщина простая, без церемоний. А еще как жизненный образец в пример любила приводить одну популярную артистку, которая церемонии тоже не уважала.

Так, без всяких церемоний Саня могла у малознамого человека спросить о таком, отчего у того уши начинали не только краснеть, но и прыгать и даже подергиваться на месте. Что уже говорить про своих — близких и родных.

— Твой-то у тебя просит? — всякий раз по приезде пыталась она собственную дочь.

Пообтесавшаяся по столицам Татьяна сначала торопела от материнных вопросов, ее напора и нахальства, потом, будто очутившись благодаря родительнице в своей прежней среде, честно, чуть смутившись, отвечала:

— Давно не прислал...

— Ну, это не дело... — заключала Саня.

Сама Саня почему-то считала, что когда мужик просит, то этот факт как бы подспудно подчеркивает успех семейной жизни и свидетельствует о двух очень важных вещах. Во-первых, о том, что баба ему нужна, и не просто баба, а та баба, у которой он просит, а во-вторых, что он, мужик, не опеныш какой-то пожухлый, а еще на что-то гожд.

— Мой-то всегда просил, даже когда напивался, — делилась собственным житейским опытом Саня. — Может, ты сама чего-то не того?..

— Чего не того, мам? — вскипала Татьяна. — Сами как-нибудь разберемся...

А еще в силу своего непростого характера Саня плохо сходилась с людьми. Да и подруг у нее особо не было, даже в далеком детстве. Если только Маринка... Да и про ту сразу не поймешь — то ли подруга, то ли просто соседка.

Даже в далеком детстве Саня исхитрялась ту же Маринку, как умела, принизить и обдурить. Например, надевшую новое нарядное платье подругу она уговаривала пойти поиграться на речку, берег которой славился жидкими грязями. Было понятно, что буквально через полчаса праздничный наряд всласть наигравшейся Маринки приходил в упадок, а сама она становилась похожа на сбжавшую от хозяев и искупавшуюся в вонючей луже свинью.

Большое наслаждение подрастающей Сане доставляли визги Маринки, доносящиеся из соседской террасы, — было понятно, что разгневанная мать охаживает ее там веником или даже ремнем.

Виноватой в Маринкином несчастье Саня себя не считала. Ей почему-то казалось, что если на две чаши весов поставить ее собственное сиротское и счастливое, при любящих родителей, Маринкино, детство, то эти две чаши уравновесятся только тогда, когда в более благополучную Маринкину чашу накидать как можно больше камней.

Ту же Маринку она ущемляла и позже, когда ее, Саню, поставили бригадиром в теплицу — наваливала на нее самые невыгодные работы.

Сама Саня от работы никогда не уходила, но старалась устроиться так, чтобы иметь хоть какую-то насущную выгоду для себя. По молодости пошла к тетке на ферму — там было много молока. Молочных каш и сметан наелась так, что сих пор не могла на них смотреть. Потом работала в теплицах — круглый год семья была при свежих овощах, да и на стороне какой-никакой приработок имелся — свежие огурцы да по сходной цене мало кто не возьмет.

Никто из местных такому положению вещей не удивлялся, потому как все знали, что по натуре Саня — оборотиста и хитровата. Это был тот самый случай, когда человеческий ум фокусируется не в голове и даже не на уровне позвонков, а чуть ниже, и отдельные особи именно этим местом чуют свой интерес.

После теплицы Саня трудилась учетчицей на лесопилке — досок на сеновале собралось столько, что хоть торгуй... Тогда же они еще с ныне покойным Федей задумали подновлять доставшийся Сане в наследство теткин дом.

Многое по ремонту Федя делал сам, на другое — нанимали рабочих. В то время они установили на деревянные перекрытия лаги и настелили новые полы, заказали красивые наличники на окна и подновили фасад, но до главной Саниной мечты — отдельной кухни-пристройки (чтобы как в городе — с газовой плитой и водой из-под крана) так и не дошли.

Благополучно определив дочь в Москву, мечту об отдельной, пристроенной к основному дому кухне, Саня не оставляла.

— Вот только кирпича неоткуда взять... Был бы где рядом кирпичный завод, и кирпич был бы свой, как когда-то доски на лесопилке... — печалилась Саня.

Но печалилась она больше от лукавства и чтобы зубы себе самой заговорить. Где раздобыть дармовый кирпич, а заодно и песок, и даже арматуру, Саня знала хорошо. Знала она, что кирпич там — почти бесхозный, только одной не увезти...

Так уж повелось, что особую неприязнь Саня почему-то испытывала к многочисленным москвичам, которые, видно, не имея простору в столице, нагородили по краям их тихого сельца бессчетные дачные домишки. Дачники застраивали своими скворечниками и дворцами лесные опушки, где раньше промышляли местные грибники, принося на засолку полные корзины груздей и опять, пытались осушать болота, в которых местные аборигены любили пострелять уток, пригревшихся на постой, и что самое печальное — завоза стройматериалы на свои временки и особняки, в хлам разбивали местную дорогу.

— Сразу видно, что людям деньги некуда девать, — любила приговаривать Саня, оглядываясь окрест. И заключала, как приговор:

— С жиру, с жиру бесятся люди!

Более всего Саню возмущало то, что понаехавшие москвичи в своих дачах не особо нуждались. Так, заглянут в летний сезон раза два в году, чтобы пожарить шашлык. Да и мыслимо ли за двести километров туда-сюда таскаться!

Правда, стоит признать, что когда еще в их селенье не водились дачники, с Саниной стороны были замечены некоторые поползновения и на имущество ближних соседей. Ну, во-первых, все было по мелочам, а, во-вторых, на этот счет она сама всегда имела заранее заготовленное оправдание:

— Жизнь заставляет! Жизнь!

Но по совести говоря, от дачных новостроек все-таки был достаточный прок: обходя московские новоделы, Саня точно подмечала, кто и что завез и у кого что плохо лежит.

В результате таких полезных обходов Сане не пришлось тратиться на песок и перегной, а также на шифер для сарая и на кое-что еще. Вот только кирпич... Тягать самой на раздолбанной тачке кирпич ей было уже не по годам.

Выйдя замуж и скоренько народив двух девок-погодок, Санина дочка Татьяна быстренько закупечилась: разъевшись на московских харчах, она стала похожа на шитую куклу, которую для сугрева надевают на заварочный чайник. А на лето Татьяна стабильно наезжала со всей семьей погостить в родные края.

— Все ладно у Татьяны, все хорошо: квартира чуть ли не в центре Москвы, работа какая-никакая, девки вымахали смотри как... Вот только муж... — часто рассуждала про дочкину жизнь Саня. — А с другой стороны, если подумать: что такое муж? Это всего лишь подставка под твоё собственное житье и бытие.

Особо привечать наезжающего на лето зятя Саня не старалась — могла, готова обед, в одну кастрюлю кинуть для варки чищенную картошку и яйца для салата. Татьяна не в шутку сердилась и, в конце концов, брала готовку на себя:

— Mam, ну так нельзя... Ты и вправду как кулёма, — упрекала она мать.

— Я всегда так делаю... Мне одной и так сойдет.

— Одной, может, и сойдет, но теперь ты не одна, — подводила итог Татьяна.

По субъективному мнению Сани, зять у нее был не только невзглядный, но еще и косорукий, но в очередной приезд она все-таки попыталась пустить его в оборот:

— Ты бы прошелся ножками по селу да и огляделся вокруг. Планирую я кухню пристроить — нужны кирпичи...

— И где же их взять? Их надо купить, — отозвался недовольный зять.

— Купить? — Саня чуть было не подпрыгнула от возмущения. — Это с моей-то сиротской пенсии их надо купить?

Минут десять подумав, зять сам пошел на примирение:

— Я видел, где лежат кирпичи. У дома с закрытыми ставнями...

— Ну и? — подталкивала зятя к конкретному решению Саня.

— Так там же высокий забор!..

— А ночь вам на что?

— Так люди же осудят...

— Осудят они тебя, когда у тебя в хозяйстве ничего не будет... — категорично высказалась Саня. — И потом... Ты сразу-то много не бери — сегодня чуток, завтра чуток... И им незаметно, и тебе хорошо...

Пару тележек кирпичей зять все-таки привез, правда, частью они были битые, в дело не пойдут. И все-таки Саня решила на первый раз зятя не корить и даже поделилась с ним житейской мудростью:

— Сразу то, что привез, использовать нельзя... И на вид нельзя класть, все должно вылежаться, чтобы забылось...

Осматривая нечаянные приобретения, добытые на чужих дачах, Саня, козыряя собственной сметливостью, искренне нахваливала себя: как хорошо, что она так быстро докумекала, где и что взять. А то пришлось бы тратиться с пенсии — или, того хуже, из личных сбережений.

По жизни Саня давно прониклась уважением к глаголу «докумекать», особенно к его уже «совершенной» форме, потому что без приставки «до» это слово означало всего лишь мысль, замысленную в правильном направлении. А с приставкой «до» в наличии было уже «свершонное» действие, после которого можно было расслабиться и отдохнуть. А еще Саня очень уважала людей, которые были к этому самому «докумекать» или, по-другому, «домерекать» и пошевелить мозгами в жизни способны. И в их селе такие тоже встречались — у них в домах и ставни были краше, и сами дома — выше и надежней.

— Вот пристроим кухню, и всем нам, Разбегаевым, будет где разбежаться! — возрадовалась светлому будущему Саня.

— Mam, ты, видно, забыла, что теперь я и девки мои не Разбегаевы, а Кротовы, — отозвалась Татьяна.

— Вот-вот, Кротовы... Так всю жизнь, как кроты, и будете тихонько в норе сидеть, — не упустила случая хоть в чем-то упрекнуть частично реабилитировавшегося, но все равно нелюбимого зятя Саня.

Несмотря на стародавнюю нелюбовь к зятю, наезжать в его московскую квартиру Саня по-прежнему не стеснялась. А в очередной приезд наведальась к ним свояченица Петровна и огорошила невеселыми новостями.

— Мать-то твою, Саня, енные детки в дом престарелых сдали. Хорошо за восемьдесят ей, вот и стала никому не нужна...

— Ну и как она там? — поинтересовалась Саня.

— Как-как? Как все... Заговариваться начала. Все одно и то же твердит.

— И что твердит?

— Говорит: если бы Саня рядом была, ни за что бы ее в тот скорбный дом не отдала.

— Спихватилась! Дожилась! — нарочито рассмеялась дочка Татьяна. — Пусть возрадуется теперь.

— А чему радоваться? — попыталась остудить дочерин пыл Саня. — Пожилой человек... Ей, видно, помощь нужна.

— Мам, не вздумай же навещать, — предупредила Татьяна. — Еще не хватало тебе за чужой бабкой горшки выносить.

Несмотря на протесты дочери, уже на следующий день Саня вместе со свояченицей Петровной снарядилась в дом престарелых. Бабка ее поначалу не узнала и спросила у Петровны, кто это с ней.

— Дочка твоя кровная... Саня... — ехидно ответила Петровна.

И не отказала себе в удовольствии добавить:

— Дочка Саня, брошенная тобой.

После таких слов бабка, лежавшая, несмотря на жару, на кровати под теплым одеялом, укрылась тем же одеялом с головой.

— Что? Стыдно тебе? — не унималась Петровна.

— Стыдно, — еле слышно донеслось из-под одеяла.

В тот день бабка пребывала в добром расположении духа, и им даже удалось поговорить.

Конечно же, обсудили младших бабкиных детей, которые и определили ее за ненадобностью в тот скорбный дом: сына Николашу, запивающего так, что уже начал путать день и ночь, и ненаглядную дочуру Любаню, саму теперь пенсионерку, нарожавшую от разных мужей четверых детей и раздавшую их в чужие семьи.

Правда, обсуждала бабкиных наследников большей частью все та же Петровна, а сама бабка, несмотря на Петровнину правоту, все больше только кивала головой — то ли детей своих жалела, то ли стремилась от обсуждения уйти, потому как хорошо понимала: если заводиться всех обсуждать, то надо начинать с самой себя.

Саня сидела и смотрела на лежавшую на продавленной кровати неухоженную, зачуханную старуху и осознала, что охватывают ее совсем противоречивые чувства. С одной стороны, она радовалась, что теперь в одиночестве и сиротстве угасает та, которая когда-то это одиночество и сиротство без стеснения делегировала ей. А с другой стороны, она не понимала, почему эта грязная, забытая Богом и людьми старуха должна расплачиваться за деанья той, молодой, сильной и красивой, которая принесла ей, Сане, столько бед?

«Ведь это же два разных человека, — думала Саня. — Почему провинившегося нельзя наказать тогда, когда он творит зло, а наказывают его потом, когда ни зла, ни добра он сотворить уже не способен?»

Она хорошо видела и осознала, что теперь перед ней — немощный, растерзанный жизнью человек, который и рад бы повиниться, но уже не имеет на это ни физических, ни умственных сил.

— И батюшка в церкви вешал про неотвратимое наказание, — совсем не к месту вспомнила Саня. — Но почему человека наказывают тогда, когда он уже почти не человек и даже не может понять, за что его наказали?

С тем, что ее мать заслуживает наказания, Саня была согласна. Да и сама она, если честно, вспоминала свою непутевую родительницу всякий раз по-разному, иногда и со злом. Получалось, по ее мыслям, если ей было хорошо, то матери должно было быть плохо, и наоборот. Например, когда Саня с Федей, приторговывая самогоном, капитально подправили дом, отчего против соседских хибар он начал казаться красивее, мать должна была впасть в уныние и чуть ли не причитать: мол, зачем я когда-то такую додельную девку оставила на произвол судьбы. Она бы и мне, чем могла, помогла бы. А когда Саню вежливо попросили из сельмага, где она подрабатывала уборщицей, за то, что накануне дочериной свадьбы там бесследно исчезли шесть бутылок коньяка, мать должна была возрадоваться со словами: как хорошо, что я от этой обузы — нелюбимой дочери — вовремя избавилась. И знать ее не знаю, и видеть не хочу...

Но так было не всегда. Иногда Саня вспоминала мать просто так, без якобы следующих с той стороны провокационных оценок. Например, она думала о том, как хорошо было бы им вдвоем с матерью посидеть где-нибудь на лавочке в белом цветущем саду или зимой, прежде хорошо промерзнув, очутиться у теплой, хорошо протопленной печи и попить чайку вприкуску с колотым сахаром или летошним вареньем. И как было бы здорово, если бы она, ее мать, когда-нибудь просто так, без причины, приехала в гости, а сиденье в беседке или чай с вареньем были бы потом...

Сане многое хотелось доказать матери. Во-первых, что она не пропала и не закрыжила ее житейская круговерть, а ведь могла бы, сколько раз могла... Во-вторых, что она, Саня, не пошла по рукам, а, как положено, сходилa замуж и имела свою семью. А еще построила новый дом, вернее, перестроила то, что досталось в наследство от так и не полюбившейся ей тетки.

8

На следующий день Саня прибыла в дом престарелых уже без Петровны, и тут уже начались чудеса. Почему-то очень веселая бабка, сидя с поджатыми ногами на кровати, то и дело вытаскивала из-под подушки заранее припрятанное зеркало и, глядя себя во включенным волосам, радостно приговаривала:

— Красивая я? Скажи, что красивая!

— Красивая, кто спорит — красивая, — в тон ей отвечала Саня.

— А что надо? Надо красивой сладенькое дать, — прохихикала бабка и выпустила на подбородок гирлянду слюней.

Саня собралась было угостить бабку так понравившимися ей глазированными сырками, точно такими, какими они с Петровной угощали ее вчера, но тут в палату вошла нянечка в застиранном, выдавшем виды халате и с порога начала:

— И чем вы вчера свою старуху накормили? Поносила всю ночь.

— Ничего особенного... Глазированные сырки, — честно призналась Саня. — Ей ведь в радость теперь.

— Ей-то, может быть, и в радость, а нам — так наоборот, — почти прошипела нянечка. — Все, что положено, им тут дают. А будете нарушать, попрошу на выход... И потом, не в себе она сейчас... Или не понять? — добавила нянечка уже вполне миролюбиво.

Стоило только суровой нянечке покинуть палату, как бабка резко вырвала развернутый и приготовленный к поеданию глазированный сырок прямо из Саниных рук и исчезла вместе с ним под одеялом.

Далее Саня наблюдала совсем странную картину: одеяло то поднималось, то опускалось, то сворачивалось трубой, пока, наконец, из-под него не возникла бабушкина голова, на которой особо выделялся перемазанный шоколадом рот.

— Еще, — заявила голова безапелляционно. И Саня, несмотря на строгое предупреждение нянечки, вынуждена была отдать ей на съедение еще один сырок...

Нет, не так виделась Сане их с матерью после долгой разлуки встреча. Когда-то она представляла, как они обе расцелуют друг друга, простят все обиды и нежно обнимутся, и Саня наконец-то крепко-крепко прижмется к ее груди и насладится долгожданным материнским теплом. Но, взглянув на лежащее перед ней на кровати странное, уже непонятного пола существо, похожее на растрепанного воробья, Саня поняла, что теперь, внезапно поменявшись ролями, материнским теплом придется делиться ей самой.

— Мать-то я планирую к себе забрать, — призналась Саня уже вечером дочери Татьяне.

— Ты с ума сошла, — выпучила глаза изумленная дочь. — За какие коврижки ты будешь с ней возиться? Сама уже немолода.

— Молода не молода, а какой за ней здесь уход... Ведь пропадет.

— Как хочешь... Но знай: от меня помощи не жди! — подытожила Татьяна не сильно приятный разговор.

Согласие на то, чтобы забрать старуху из дома престарелых, от младших бабушкиных детей было получено без промедлений.

— Бабку берите, но за ней мы ничего не дадим, — объяснили они. — Денег она не нажила, а квартира нам самим не помешает.

— На квартиру я не претендую, — уточнила Саня. — Отдайте только то, что вы у меня забрали.

— А мы ничего не забирали... Если ты про бабуку, то она забралась сама, — был их ответ.

Для того чтобы отвезти на родину бабуку и Саню, пришлось мобилизовать нелюбимого зятя — он только что купил новый автомобиль. Татьяна тоже вышла провожать, собрав путешественникам съестное на обед. Но на старую бабуку она старалась не смотреть, держась в стороне, а у Сани напоследок все-таки решилась спросить:

— Mam, не пойму я никак... Зачем? Она же бросила тебя.

— Знаешь что, — послышалось в ответ, — это она меня бросала, а я ее не бросаю никогда.

И, едва лишь взглянув на мать, Татьяна, к своему удивлению, только сейчас поняла, что стоит перед ней совсем другой человек. Не расхристанная, не всегда аккуратная, потерявшая главный интерес к жизни кулёма, а стойкий оловянный солдат, которому еще только предстоит ввязаться в неравный бой.

А еще Татьяна невольно заметила, как стройник Саню новый костюм в мелкий горох, который та удачно прикупила еще накануне первого визита в дом престарелых, а также новые туфли-лодочки с кокетливым бантом.

— Mam, да ты у нас просто красавица! — непроизвольно выпалила она.

— И что? Теперь не кулёма? — неожиданно весело отозвалась Саня.

— Не кулёма, мам! Совсем не кулёма!.. — прозвучало уже вслед отъезжающему автомобилю.